

Николай Фадьцов

Книга вторая
**ЧТО СОЗДАНО
ПОД ЛУНОЙ?**
Роман

Николай Удадьцов

Что создано под луной?

«Автор»

2013

Удальцов Н. А.

Что создано под луной? / Н. А. Удальцов — «Автор», 2013

История, в которой больше обдуманного, чем выдуманного. Герои, собравшиеся вместе, пришли из прошлого, настоящего и будущего и объединившись, путешествуют во времени и пространстве в поисках ответов на вечные вопросы, стоящие перед людьми. И – находят эти ответы...

© Удальцов Н. А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Николай Удальцов

Что создано под луной?

«Папа, напиши фантастическую историю. Только такую, чтобы в ней было мало выдуманного.»

«Хорошо. Правда, истории, в которых много выдуманного, называются не фантастикой, а социализмом.»

«А что же такое – фантастика?»

«Фантастика – это истории о том, что люди решили свои проблемы.

Или, по крайней мере, научились это делать...»

Часть первая

На двадцать восьмом этаже Центра управления космическими полетами, на колченогом табурете сидел худой человек с исполосованным морщинами лицом и усталыми глазами. Он был обут в стоптанные ботинки, очевидно, видевшие на своем веку и брусчатку площадей, и грязь проселочных дорог, и бесконечный асфальт магистралей, соединяющих большие города – приюты профессионалов – и разъединяющих их.

Когда Риоль выходил из лифта, человек не вставая с табурета, а, только подняв свою голову от узловатых, худых рук, и, дав законному солнцу блеснуть в его взгляде и показать, что глаза у него ясно-голубые, проговорил:

– Все относительно... – эти слова, произнесенные вместо приветствия, заставили Риоля посмотреть на человека внимательнее. И его взгляд отметил и много раз стиранную и штопанную одежду, с заплатами на локтях и коленях, и худобу человека, заговорившего с ним.

– Что относительно? – переспросил Риоль.

– Не бывает просто добра или зла.

– А что бывает?

– Бывает не много или много больше или меньше добра или зла.

– Наверное, вы правы, – ответил Риоль и прошел в кабинет, на двери которого висела золотая табличка: «Начальник Центра», – и никаких фамилий, инициалов и, тем более, дат, и потому не услышал последних слов человека, сидевшего на табурете:

– Скоро тебе придется в этом убедиться, Риоль...

В том мире, где решались проблемы, Начальник Центра управления полетами Эгриэгерт был по-настоящему уважаемым человеком потому, что, став слугой общества, не начал окружать себя своими собственными слугами. И Риоль уважал его за это, как и за то, что Эгриэгерт ставил дело выше власти. Такое случается только с теми, у кого власть не является самоцелью, а, следовательно, встречается как исключение.

Иногда наследственная власть может быть обузой. Любая другая власть – самоцель. И человек всегда идет во власть ради самого себя, чтобы он не декларировал на этом пути.

На Земле это правило.

Хотя, наверное, и за пределами Земли это – правило тоже...

Именно поэтому во все времена во власти очень много непорядочных людей. Ведь редкий человек, пришедший во власть ради себя, может оставаться порядочным. Тем более, зная, что порядочность ему не принесет меркантильной выгоды.

– Меркантильная выгода? – спросили однажды Риоля, – Разве она бывает иной?

– Конечно, – ответил он, – Выгода бывает политической, юридической, эмоциональной. А главное – выгода бывает обманчивой...

Но это не проблема власти, а ее свойство. Как мороз – это не проблема зимы, а темнота – не проблема ночи.

Проблемы вообще появляются только тогда, когда о том, что к ним привело, много пишут плохие журналисты или мало – хорошие...

...Риолю легко было разговаривать с Эгриэгертом на любую тему потому, что во время разговора тот смотрел на собеседника, а не на себя самого.

– Присаживайся, Риоль, – проговорил Эгриэгерт, поднимаясь со стула.

– Спасибо. Кто это там, у тебя за дверью?

– Когда я проходил – никого не было.

– Взгляни сам.

Эгриэгерт приоткрыл дверь своего кабинета:

– Там никого нет.

Риоль посмотрел в дверной проем и увидел пустующий колченогий табурет:

– Наверное, мне показалось...

«Любая дорога начинается с сомнений, и если она рождает новые сомнения, значит, появляются новые пути...» – это астролетчик Риоль понял давно, и привычно воспринимал вызовы в Центр.

На то он и Центр, чтобы слать кому-нибудь вызовы.

Впрочем, может быть Центр для того, чтобы решать, кому именно эти вызовы слать.

– Ты догадался, почему я тебя вызвал? – толи это был вопрос Эгриэгерта, толи просто создание системы координат.

– Почему ты меня вызвал, я знаю.

Для чего ты меня вызвал – ты скажешь сам, – спокойно ответил Риоль.

Эгриэгерт вздохнул, и этот вздох обозначил усталость. Не от физического труда, а от бессонных ночей. Так устают люди, работа которых заключается в том, что они определяют то, что должны делать другие.

И понимающие то, какую ответственность они несут.

Вопросы стали формировать дорогу.

– Риоль, я знаю, что вы с Эйлой ждете ребенка.

– Осталось два месяца, Эгри.

– Он доживет уже до другой жизни, – улыбнувшись, проговорил Эгриэгерт, и Риоль тоже улыбнулся, ответив ему:

– Все жизни – другие...

«...Дело в том, что мы исчерпались, Риоль... – по тому, как медленно, подбирая каждое слово во фразе, произнес эти слова Эгриэгерт, Риоль понял, что разговор будет не просто серьезным, но приведет к ответственности, которую придется разделить обоим, принимающим участие в этом разговоре людям.

– Прежде всего, объясни, что случилось?

– Мы исчерпались. Но это пока не трагедия, потому, что мы сами этого еще не поняли.

– Проблема в том, что мы можем делать все.

– Получать любую еду и любую одежду, любое жилье и любое средство передвижения, любое искусство и любую науку.

– Работаем так, как нам нравится, и как нравится, отдыхаем.

– Увлекаемся диетами – даже голод мы сделали развлечением.

– А наши иллюзии превращаются в реальность еще раньше, чем успевают нам надоить...»

– Согласен, – согласиться – это было единственное, что Риолю оставалось сделать.

– Что говорить, если даже сексом мы занимаемся через сенсорные датчики. Ты на земле, а жена на кольцах Сатурна.

И все прекрасно.

– Я предпочитаю старый способ, – улыбнулся Риоль.

– Вот видишь: даже предпочитаем мы, то, что хотим предпочесть...

– ...Может быть, именно в этом счастье, Эгри?

– Да.

До тех пор, пока мы не устанем от всего этого и не задумаемся о том – зачем нам все это?.. – Эгриэгерт встал и неспеша подошел к окну. Он взялся за один из шнурков фрамуги и потянул его, стараясь ее приоткрыть. Потом потянул за другой шнурок. При этом веревочки перепутались, а окно продолжало оставаться закрытым.

Несколько раз дернув за шнурки, Эгриэгерт махнул рукой и нажал на кнопку на пульте.

После этого фрамуга отошла от рамы, и окно приоткрылось ровно на столько, на сколько хотел Начальник Центра управления космическими полетами.

– Вот тебе и прогресс, – проговорил Эгриэгерт, глядя на пульт, при помощи которого он управлял движением фрамуги, – Скоро руки вообще смогут отрафироваться.

– Прогресс, – улыбнулся Риоль, глядя на безуспешные попытки Эгриэгерта справиться с запором фрамуги, – Каким бы не были прогресс, с запорами, все равно, нужно обращаться сильно, но со знанием дела.

«Впрочем, только ли с запорами, – додумал он мысль, – С женщинами, например, тоже самое.»

– А потом, прогресс – это увеличение того, что делается без нашего участия.

И, Эгри, прогресс не остановить ни тебе, ни мне, ни нам всем вместе. Ни прогресс, ни скорость, с которой он идет, – Риоль произнес ни к чему не обязывающие слова, но они заставили Начальника центра задуматься.

Правда, ненадолго:

– Самая важная характеристика и самая серьезная проблема прогресса – это не скорость, а направление...

– Эгри, может, наше поколение – просто парадокс в истории цивилизации?

– В истории и без нас достаточно парадоксов.

Буквы, например, были придуманы безграмотными людьми...

Риоль не раз рисковал своей жизнью, хотя случилось это значительно реже, чем могло бы случаться, будь он меньшим профессионалом.

Дилетанты попадают в непредвиденные ситуации чаще профессионалов. И поэтому, профессионализм – это не только простейшая форма борьбы с дилетантством, но и простейшая форма борьбы с неприятностями.

– Эгри – мне это безразлично из-за Эйлы и нашего будущего ребенка – скажи, мы можем в этом полете погибнуть?

– Если вы погибните – вам все станет безразлично.

Так, что стоит привести в порядок земные дела.

– На случай смерти? – задумчиво спросил Риоль, и Эгриэгерт задумчиво ответил:

– Нет. На случай жизни...

...Выходя из кабинета Начальника Центра, Риоль вновь увидел человека в стоптанных ботинках, сидящим на колченогом табурете, и почему-то совсем не удивился этому:

– Что-то случилось? – спросил человек.

– Что-то случилось со всем человечеством. Во всяком случае, может случиться, если это еще не произошло.

– Произошло, – сказал человек, сидевший на табурете, и его усталые глаза стали грустными:

– Риоль, с людьми случилось самое ужасное и трагическое – люди решили, что они обрели опыт.

И уже готовы делиться им с другими...

– Как вас зовут? – спросил Риоль, и почему-то не удивился тому, что человек в стоптаных ботинках знал, как зовут его самого.

– Меня зовут Крайст...

– Я где-то встречал ваше имя.

– Ты встречал его везде.

Только не всегда обращал на это внимание...

...Выходя из лифта в фойе Центра, Риоль столкнулся с человеком в дорогой французской тройке и шляпе коричневого цвета. Его лицо было хорошо выбрито, только подбородок украшала аккуратная испанская борода.

Человек приподнял шляпу в знак приветствия, и в его смоляных глазах промелькнуло толи удивление, толи интерес.

Такое случается, когда встречается кто-то явно знакомый, но невоспоминаемый, при каких обстоятельствах.

– Есть проблемы? – спросил человек во французской тройке, и Риоль, сам не понимая, почему не ограничивается простым: «Все нормально», – ответил:

– Есть, но иногда, задача такова, что становится не понятным поиск ее решения.

– Это не самый неприятный случай. Иногда, решение таково, что становится не понятным то, зачем была поставлена задача...

* * *

Небольшой домик, в котором жил один из лучших астролетчиков Земли Риоль с женой Эйлой, стоял под холмом на берегу не маленькой речушки, узорившей своими извилами почти плоскую равнину от горизонта до горизонта. Они перебрались в этот дом из города потому, что, часто покидая Землю, Риоль никогда не скучал по городам.

И в своих полетах, он много раз представлял себе дом, стоящий на берегу реки так, что от самого дома к реке тянулись не высокие деревья, переходящие в густой кустарник, тень от которого падала прямо на воду.

Риоль видел все: северное сияние и степь, цветущую тюльпанами, альпийские изумрудные луга и заледенелые, потянутые кобальтовой дымкой, горы, и все это выглядело прекрасно.

Но все-таки – это была экзотика.

А деревцо на берегу реки – это то, что оставили ему его предки, это генетическая любовь.

Так же, как горец любит горы, житель жаркой Азии – степи и пустыни, так Риоль любил среднюю полосу.

Однажды, когда он вернулся из полета, Эйла показала ему их будущее жилище. Такое, или почти такое, каким он себе представлял свой дом – так его выдуманная мечта стала реальностью. И когда Риоль удивился тому, что Эйла так верно угадала его придуманную мечту, он сказала:

– Каждая выдумка – это версия правды...

– Неужели ты сможешь жить в этой глуши? – спрашивали его друзья, а Риоль шутил, а может, только казалось, что он шутит:

– С любимой женщиной мне везде хорошо.

А без любимой женщины – везде плохо.

– Тогда ты, в определенном смысле – космополит...

...Риоль не оттягивал свой разговор о новом задании Центра с женой, да это было и ни к чему – опытные люди предчувствуют разлуку:

– Я должен лететь, Эйла.

– Знаю.

– Откуда?

– Мне звонил Эгриэгет и спрашивал о том, как я себя чувствую.

Просто так Начальник центра не станет спрашивать о самочувствии жену астролетчика.

Впрочем, просто так, Начальник центра не станет спрашивать ни о чем.

– Мое отсутствие будет долгим.

– Для любящей женщины коротких разлук не бывает...

– Не пойму, почему посылают именно меня?

– Ты отлично это понимаешь.

– Тогда почему?

– Потому, что ты лучше всех умеешь использовать шанс, – проговорила Эйла, глядя волосы мужа, – И за это, я люблю тебя.

Риоль был благодарен Эйле за эти слова: в конце концов, мужчина – это то, что о нем думает женщина...

О том, что в одном интервью, на вопрос: что такое шанс? – Риоль ответил:

– Шанс – это постоянная готовность использовать удачу, – он даже не вспомнил...

...Когда Риоль и Эйла прощались на космодроме, она спросила мужа:

– Ты понял, зачем тебя посылают?

– Мне придется это понять уже там, в полете. Что поделаешь, работа, которая мне поручена – это не бенефис, а премьера.

Как и вся жизнь.

– Риоль, помни об одном: людям хочется уничтожить неизвестность, а не надежды...

Потом Эйла поцеловала Риоля, а никем не замеченный, находившийся в стороне от провожающих, в тени одного из ангаров, человек, в дорогой французской тройке и шляпе коричневого цвета, ухмыльнувшись, прошептал:

– Легче забыть десять заповедей, чем один поцелуй любимой женщины...

Еще раз, ухмыльнувшись, и проведя ладонью по своей аккуратной испанской бородке, он оглянулся и увидел стоявшего на одном из холмов, окружавших предполетный комплекс, человека в стоптанных ботинках. Тот неподвижно, глядел на застывшую, на стартовом столе ракету, опираясь узловатыми руками на сучковатый посох:

– До встречи, – очевидно зная неизвестное пока никому, проговорил тот, а потом, вздохнув, добавил:

– Жаль, что грубейшей ошибкой человечества является предположение о том, что, в своем поиске, человечество всегда право...

Человек в стоптанных ботинках произнес эти слова очень тихо, но тот, кто был одет в дорогую французскую тройку, все-таки услышал его слова, и, подойдя поближе, спросил:

– У него что-нибудь получится?

– Естественно.

– Естественно? Ты употребляешь именно этот термин? Ты, что, смеешься, Крайст. Люди и естественность – несовместимы.

– Искарriot, люди вообще должны быть такими, как есть – естественными.

Услышав эти слова, человек в шляпе вначале поморщился, а потом собрал грусть в свои глаза:

– Не думаю, Крайст, что это лучшее, что можно пожелать людям...

Их разговор был прерван.

Задрожала земля.

Взлеты космических кораблей давно перестали быть событием, и Земля уже не боялась этой дрожи.

И не восхищалась ей.

Потоки огня, перемешанные с ревом сотен тысяч лошадей, запрессованных в двигатели ракеты, вначале оторвали ее корпус от стартового комплекса, заставив на мгновение замереть в воздухе уже не принадлежащий земле космический корабль, а потом, пересиливая природное тяготение к обратному, все быстрее и быстрее устремили его на верную встречу некарточной судьбе.

* * *

...Приборы не показали никакого отклонения от нормы в работе двигателей, систем управления и обеспечения жизнедеятельности. Не было пожара, разрыва магистралей или потери герметичности.

Не было взрыва.

Просто в одно из бесчисленных мгновений космический крейсер, пилотируемый Риолем, перестал существовать...

* * *

...Риоль очнулся на склоне холма, того, что находился возле его собственного дома.

Было тепло, тихо и одиноко.

Как в больничной палате. Он очнулся с пустыней в голове и ломотой во всем теле. Стучало в ушах, а легкие не принимали кислород, словно между воздухом и губами, ловившими его, постоянно образовывался тонкий слой пустоты. Зато аромат травы, смешанный с запахом влажной земли, не искажаясь, проникал в органы обоняния, минуя все преграды.

И совсем не чувствовалось ударов сердца, будто оно трудилось где-то далеко, и отдавало свои силы не телу, а невидимым магистралям, соединяющим Риоля с окружающим его местом.

Но постепенно и тело, и голова стали приходить в порядок. Во всяком случае, хаос сменялся узнаванием.

Риоль пошевелил одной рукой, потом другой, приподнял голову – движения давались легко, хотя и немного непривычно, словно после сильного наркоза. Но вскоре и это ощущение стало проходить

Почувствовав уверенность, он сел, и тут же окоем отдвинулся от его глаз, открыв вначале верхушки деревьев, которые без задержки пропускали голубизну неба, делясь с ним своим

изумрудом. Потом дорогу, идущую мимо холма, реку, и его дом в летней зелени. Густой и насыщенной.

Все детали оказались такими знакомыми, что одно это могло вызвать сомнение в их подлинности. И главное, Риоль не мог понять того, как он здесь оказался.

Память отказывалась придти в помощники, хотя все, что было до и после старта крейсера вспоминалось без всякого напряжения.

Все посадки и последующие старты с планет, всю мелкую работу, которую приходилось выполнять на корабле, Риоль помнил. Помнил даже последнее погружение в сон, перед очередным перелетом из одной звездной системы в другую, а вот, что произошло потом, он не просто не помнил – как будто вообще не знал.

И это создавало дискомфорт.

Лучше не знать дороги, чем не понимать того, как ты на ней оказался...

Был и еще один момент, вызывавший у Риоля неосознанную, но от того не менее чувствительную тревогу – спутницу детей и солдат, сталкивающихся с неизвестностью – он ясно ощущал свое одиночество.

Знакомым, близким и родным было все, вплоть до теннисных кортов за деревьями и беседки с качающейся лавочкой внутри нее, но, не смотря на это, Риоль чувствовал, что он совсем один. Словно находился не среди окружающей его природы, а в пустом зале, на единственной стене которого висела мастерски прописанная картина, изображающая хорошо восполненные воспоминания.

Думая об этом, он поднялся с земли, на которой сидел, и по некрутому спуску направился к дороге у подошвы холма. Там, возле остановки рейсового автобуса, находился газетный киоск – место, где тем или иным способом можно было узнать новости.

На газетном киоске висела надпись: «В мире нет ничего нового, чего бы мы ни знали, но очень много старого, чего мы не можем понять...»

– Дайте мне какую-нибудь газету, – сказал Риоль старичку-киоскеру, неглубоко дремавшему в углу. Но старичок продолжал дремать.

– Мне нужна любая свежая газета, – повторил Риоль и даже постучал по стеклу ларька, стараясь привлечь к себе внимание продавца.

Но вновь не последовало никакой реакции.

Тогда Риоль просунул руку в окошко и взял с прилавка верхнюю газету. И то, что он увидел на первой странице, заставило его вздрогнуть:

Над его собственным портретом в широкой черной рамке большими буквами было написано: «Надежды больше нет». И дальше хорошие добрые слова о том, что один из лучших представителей Земли, отправившийся в дальний космос, наверняка погиб, став очередной жертвой прогресса.

Риоль посмотрел на число.

Газета, попавшая ему в руки, была отпечатана через девять лет, после того, как он улетел с Земли.

– Какое сегодня число, какой год? – спросил Риоль у проходившего мимо него дорожника, но тот шел своей дорогой, не обращая ни на Риоля, ни на его вопрос никакого внимания.

В это время проснулся старичок, торговавший газетами. Он потянулся, потом вышел из киоска и, запирая дверь, пробормотал:

– Вот, опять одну газету сперли. Хорошо, что не две... – выражая, таким образом, отношение мелкого негоцианта к еще более мелкой неприятности.

– Вашу газету взял я, – сказал ему Риоль, но старик, даже не взглянув на Риоля, пошел по своим делам.

Проезжавшая по дороге машина едва не сбила Риоля с ног, промчавшись мимо не только не просигналив, но и не притормозив перед человеком, стоявшим на обочине проселочной дороги.

Возвращавшийся с реки рыбак-дачник не ответил на приветствие астролетчика, а скользящий пешеход не оглянулся в сторону Риоля, когда тот спросил: который сейчас час?

Потом встречались другие люди, по одиночке и группами, но никто не обратил внимания на человека, заговаривающего с ними.

В растерянности, не думая куда идти, и не зная, зачем это делает, Риоль медленно брел к опушке, туда, где, любимые им деревья, уступали полю, разделяя тень места своего существования.

Тень была не четкой, и густота виридоны с натуральной умброй переходила в окись хрома и дополнялась оливком и кадмием там, где отраженный луч света замирал на последнем рубеже своего полета. И все цвета проникали друг в друга на равных правах, не мешая, а усиливаясь, устанавливая недолговечные законы своего сосуществования.

Законы.

Потому, что все-таки, это была тень, которая никогда не бывает бесцельной.

Тень всегда существует для того, чтобы что-нибудь от кого-нибудь скрывать...

С какой-то обреченной надеждой, Риоль безответно, обращался к встречающимся ему людям, хотя ему все уже было понятно.

Вернее, ему было непонятно ничего, кроме того, что его никто не видит и не слышит.

Это провоцировало ирреальность, и лишь трава, мягко цеплявшая его ноги при движении, подтверждала то, что все это происходило на самом деле.

Когда Риоль оказался всего в нескольких шагах от деревьев, из зеленого сумрака ему навстречу вышел худой человек с усталыми голубыми глазами, обутый в стоптанные ботинки.

По выражению глаз этого человека, Риоль догадался, что человек наблюдал за ним давно, и видел все, что происходило.

– Я хотел купить газету... – испытывая странную безвинную неловкость, проговорил Риоль. И человек, мягко улыбнувшись, ответил:

– Ничего удивительного в том, что ты хотел купить газету, нет.

Это Библия служит для того, чтобы люди знали, как поступать, а газеты – для того, чтобы люди знали, как они поступают на самом деле...

Риоль узнал его, и почувствовал, что этот человек имеет какое-то отношение к тому, что с ним происходит.

Хотя и не понимал, чем было вызвано это ощущение.

Но это ощущение было чем-то вызвано.

Их глаза встретились, и Риоль, не уверенный в том, что получит ответ, спросил:

– Ты знаешь, что случилось?

– Да, Риоль.

– Крайст, а ты не мог предсказать мне это заранее?

– Мог.

– Почему же не предсказал?

– Потому, что у предсказаний есть, по крайней мере, один существенный недостаток – время от времени они сбываются...

Риолю не хотелось, чтобы в его голосе звучала обреченность, но она все-таки прозвучала:
– Наверное, это уже не играет никакой роли – ведь время не имеет обратной силы.
– Это не беда, Риоль. Беда в том, что время и прямой силы не имеет...

– Что мне теперь делать, Крайст?

– Все. Впрочем, что именно – это ты должен решить сам.

– Но ведь меня никто не видит.

– Хуже было бы, если бы ты не видел никого. – Хорошо. Я буду стараться, – проговорил Риоль, пока не зная, что он имеет в виду, и, конечно, не заметив того, что, стоявший в тени деревьев, там, где тень была особенно густой, человек в дорогой французской тройке и шляпе коричневого цвета, собрав тонкие губы в подобие улыбки, прошептал:

– Если бы люди не старались, они попадали бы прямо в рай, а ад пришлось бы упразднить...

– Крайст, я хочу задать тебе один вопрос.

– Ты получишь на него ответ, конечно только в том случае, если я буду его знать.

– Скажи, ты – тот, кто я думаю?

– Да.

– Тогда я ничего не понимаю.

– А разве – понимать все – это все, что нужно человеку?..

Переменяя разговор с молчанием, Риоль и Крайст шли вдоль края леса до тех пор, пока не остановились перед изгородью, окружавшей участок вокруг дома Риоля и Эйлы.

Риоль взялся руками за металлическую решетку, заглянул сквозь ее редкие штакетины во двор и увидел мальчика внимательно смотревшего на него.

Совсем не всегда в лицах детей легко угадываются черты родителей. Прожитые годы, и, особенно, условия, в которых эти годы прожиты, накладывают свои отпечатки, делая отцов не похожими на своих детей; или, вернее, детей, не похожими на своих отцов.

Но то, что увидел Риоль – поразило его: перед ним стоял он сам, знакомый по детским фотографиям и семейным видеofilmам. Он сам, только в девятилетнем возрасте.

Мгновения было достаточно для того, чтобы Риоль понял, кто перед ним. Но это короткое мгновение показалось ему самым длинным в его жизни.

Реактивный лайнер с оглушающим треском преодолел звуковой барьер, массивное тело ледокола с грохотом раскололо вековой лед, сполох дальней грозы ослепил аборигена, заставив его вздрогнуть, в межзвездной пустоте столкнулись странники-метеориты, превратив в живую пыль свое мертвое естество.

А потом время перестало существовать, и даже то, как забилося сердце Риоля, не играло никакой роли, потому, что он услышал слова:

– Папа! Ты прилетел?

– Как ты узнал меня? – вопрос о том, видит ли мальчик отца, отпал сам собой, даже не возникнув, и это почему-то совсем не удивило Риоля.

– Я не мог тебя не узнать, папа. Ведь я так долго ждал тебя.

– Я тоже не мог не узнать тебя. И все это время, я стремился к тебе.

– А этот дядя – твой друг?

Риоль оглянулся на Крайста:

– Ты видишь его?

– Конечно.

– Мы не то, чтобы друзья... – Риоль притормозил слова, подыскивая, как определить свои отношения с Крайстом, но тот сам, застенчиво улыбнувшись ребенку, проговорил:

- Скорее, мы попугачики.
- Папа, а этот дядя был с тобой в космосе?
- Он был еще дальше.
- А разве есть что-нибудь, что больше космоса?

Риоль не знал ответа на этот вопрос, но Крайст, продолжая так же застенчиво улыбаться, вновь пришел ему на помощь:

- Конечно, маленький Риоль.
- Что, например?
- Например – надежда на то, что мечта исполнится...

– Нам в школе рассказывали о том, что космос бесконечный. А я никак не могу представить себе бесконечность.

– Не расстраивайся, малыш, – улыбнулся ребенку Крайст, – Большинство взрослых людей не могут себе представить и половины бесконечности...

- Папа, ты вернулся навсегда?

Риоль вновь оглянулся на замолчавшего Крайста, и увидел, что тот удрученно покачал головой.

- Нет, сынок. Я просто зашел для того, чтобы увидеть тебя.
- А маме можно сказать о том, что ты приходил?

– Пока не надо этого делать. Сейчас мы уйдем, но потом мы обязательно вернемся, – Риоль видел, что, слушая эти слова, Крайст, хоть и оставаясь грустным, но кивает головой, – И тогда мы встретимся с мамой.

- Папа, разве ты мало путешествовал?
- Я не мало путешествовал, сыночек, просто мое последнее путешествие еще не закончилось.
- Папа, но ведь то, что ты ищешь, это так далеко.
- Может быть – совсем нет, – проговорил Крайст, попеременно глядя то на Риоля, то на его сына...

- Папа, а ты много видел?

- Да.
- А ты видел людей с двумя головами?
- Видел.
- Они самые умные?
- Нет, мой дорогой, для того, чтобы быть самым умным, совсем не нужно иметь две

головы...

– Папа, я мог бы попросить тебя взять меня с собой, но я останусь с мамой, потому, что если я тоже уйду, мама станет совсем одна, – глядя в глаза отца, проговорил сын, а стоявший в кустах поодаль человек в дорогой французской тройке и шляпе коричневого цвета, задумавшись на миг, прошептал:

– Что ж, мама – это самое конкретное подтверждение того, что Богу, иногда, некогда заниматься нашим воспитанием...

А потом, тот же человек прибавил:

– Детство кончается только тогда, когда ребенок начинает думать, что он повзрослел настолько, что уверен в том, что взрослые знают больше чем дети...

* * *

– ... Риоль, я просто показал тебя человеку, которому ты нужен, – Крайст говорил, извиняясь за то, что принес своему спутнику боль, и в то же время, его слова походили на объяснения правил игры, в которой им предстояло принять участие.

Любая игра начинается с правил.

Если правила не определены или не понятны, невозможно не только их соблюдать или нарушать – даже шуллерствовать не имеет смысла.

– С этого, ты должен начать, Риоль.

– Начать – что?

– Искать ответы.

– Какие ответы?

– Те, за которыми тебя послали в космос.

– Крайст, ты думаешь, что ответы на вопросы, которые стояли перед нами, нужно было искать не в космосе, а на Земле?

– Во всяком случае, на Земле нужно было сформулировать вопросы. Ведь правильная постановка вопроса – это уже половина ответа.

Хотя, возможно, не самая главная.

– Но ведь меня послали в дорогу, потому, что мы стали сталкиваться с тем, что нам не доступно в себе самих.

– Человеку разумному доступно совсем не все, но спасение заключается в том, что разумному человеку ясно, что именно ему не доступно.

И, главное – почему?..

– И новые знания, полученные здесь, на Земле, по-твоему, Крайст, это то, что может нам помочь?

– Не новые знания, а новое отношение к тому, что вы уже знаете. Вы, люди, и так знаете совсем не мало.

Во всяком случае, знания – это умение правильно относиться к тому, чего не знаешь...

– И еще, Риоль, пред дорогой я должен сказать тебе кое-что, и пусть это добавит тебе оптимизма в отношении человечества: «Иногда мы понимаем куда больше, чем можем понять...»

Неожиданно Крайст резко обернулся и громко сказал, обращаясь к кому-то в кустах:

– Я знаю твое, Искарriot, пессимистическое отношение к людям. Но помни – думать о людях плохо – это подло и безнравственно! – при этом, из кустов появился человек в дорожной французской тройке, который, немного помявшись, приподнял в знак приветствия шляпу коричневого цвета, и, пожав плечами, проговорил:

– Вот если бы это было еще и ошибочно...

Видя, что Крайст молчит, Риоль подошел к тому, кого называли Искарriotом:

– Бог любит людей? – в этом вопросе Риоля был и вопрос, и размышление одновременно. Искарriot вновь пожал плечами:

– Конечно. Должен же быть и у Него источник проблем...

– Что на этой дороге должен буду делать я? – спросил Риоль Крайста.

– Знаешь, Риоль, в ответ я расскажу тебе одну старинную легенду:

«Когда-то, когда люди делали открытия, путешествуя по Земле своим ногами, каждое путешествие было связано с огромным риском, потерями и еще очень многими неприятностями.

И каждый, кто отправлялся в путешествие, привычно относился к тому, что страдал от болезней, получал увечья, терял снаряжение и спутников.

Но среди всем известных путешественников, был один, кто всегда возвращался из своих скитаний целым и невредимым, сохранив тех, кто, доверившись ему, разделял с ним тяготы пути.

Остальные путешественники завидовали удачнику, и заметили, что каждый раз отправляясь в очередной дальний вояж, тот доставал из кармана какую-то бумажку и внимательно читал написанное в ней.

После естественной смерти этого путешественника, остальные бросились осматривать его карманы, и нашли чудодейственную инструкцию.

В ней было всего несколько слов: «То, что перед тобой – это дорога. А в остальном – думай сам...»

– Только помни – это притча.

Притчи делают людей мудрее.

Отношение к притче, как к догме – глупит человека...

– Ты пойдешь со мной, Крайст?

– Да. Но я не буду твоим поводырем

– Почему?

– Потому, что поводыря выбирает раб.

Свободный человек выбирает дорогу...

– Когда же начнется наш путь, Крайст?

– Он уже начался.

– Тогда он начался удачно, – Риоль наклонившись, поднял из придорожной пыли подкову и показал ее Крайсту, – Говорят, подкова приносит счастье.

При этих словах, погладив свою испанскую бородку, человек в дорогой французской тройке, до этого молча слушавший разговор Крайста и Риоля, заметил:

– Хотелось бы знать, что думает по этому поводу лошадь?..

...Холм, у подножья которого они стояли, был покрыт разнотравьем и редкими низкорослыми кустами. Разнотравье отличалось цветом, и разные оттенки зелени переплетались причудливым узором, тускнеющим по мере приближения к вершине, а на самом верху превращались в единое солнечно-желтое пятно.

Это холм был совсем не высок, и мог попасть только на самые мелкомасштабные карты, но людям, стоящим у его подножья, то есть очень близко к нему, он закрывал все остальное пространство.

Такое случается с пригорками.

И не только топографическими.

– Это место чем-то знаменито? – спросил Риоль, – Раз для начала пути нам не приходится уходить далеко от дома?

– Нет. Таких мест очень много, все они похожи друг на друга.

И мы действительно не пойдем далеко.

Всего-то, в начало двадцатого века.

Потом посмотрим, куда это нас приведет, а пока дальше от дома отходить не стоит...

– Когда-то этот холм назывался высотой А-176 или что-то в этом роде.

На его вершине молодые ребята в остроконечных шапках с красными и синими звездами над матерчатými козырьками, думающие, что они военные, но не знающие слова «фортификация», варили кашу в походных кухнях и распевали песни о Буденном и Ворошилове.

Они подняли над холмом красный флаг, и решили, что этого достаточно для того, чтобы быть счастливыми.

Потом на их место пришли уже усталые и, как будто, разочарованные люди в фуражках и двойных портупях. Они не пели песен, и в их разговорах звучали названия чужих городов: Париж, Варшава, Константинополь.

Эти люди правильно организовали оборону склонов, врыли в землю орудия, выставили часовых.

Но это не помогло людям в фуражках, потому, что, воюя, они отказывались понимать эту войну. Даже ордена за такую войну они отменили.

И вскоре их сменил новые люди, одетые в кожаные куртки, подпоясанные ремнями, на которых болтались деревянные кобуры с огромными «маузерами».

Звались эти люди комиссарами, и «маузеры» – это было все, что они имели и понимали, а кожаные придавали им уверенность.

Поэтому, они почти никогда не расставались со своей формой, но, если снимали кожаные куртки, то закатывали рукава своих гимнастеров и обнажали руки, красные по самые локти, толи от загара, толи от крови.

По началу они не строили инженерных заграждений, а просто стреляли в каждого, кто оказывался рядом.

Эти люди продержались здесь очень долго, так долго, что к ним почти привыкли. Как привыкли к тому, что они всегда говорили о том, что нужно идти воевать за счастье.

– Почему они победили остальных? – спросил Риоль.

– Потому, что обещали самое примитивное – быстрое счастье толпе.

Только толпе это можно обещать.

И только толпа способна в это верить...

– Почему они были такими беспощадными? – каждый вопрос Риоля был неким забегом на очень короткую дистанцию.

Только в конце этого забега находился не финишный створ, а окно, мир за которым, после каждого нового взгляда на него, становился контрастнее, яснее, вернее.

Истиннее.

– Беспощадной становится всякая борьба за свободу, которая сама не уверена в целях, которые она проповедует...

– Но, Крайст, во все времена были люди, готовые за что-то умереть.

– Риоль, человек – это не то, за что он готов умереть.

Человек – это то, за что он готов жить...

– Наверное, у них была идея, которой они верили, Крайст. И ради идеи люди шли на смерть.

– Люди иногда идут на смерть ради идей, но убивают их всегда ради идеологий...

Удивительная вещь: бывает так – сидят за соседними столиками четыре человека.

Два и два.

Разговаривают.

Говорят, вроде, об одном и том же.
Вопросы задают друг другу, вроде, похожие.
И слова произносят одинаковые.
А вот видно: два – умных, а два – дурака.

Дело здесь вот в чем, если вникнуть, умные задают вопросы, уточняющие представления об окружающем мире – чем бы этот мир ни был – астрофизикой, микробиологией, футболом или воспитанием детей.

А глупые, своими вопросами, утверждают в том, как этот самый мир они сами же понимают.

Вернее, думают, что понимают...

– Крайст, ты ведь сам был великим агитатором.

– Я никогда не занимался жульничеством.

А агитация – это жульничество, причем не для врагов, а для своих...

– Но, вообще-то, Крайст, идея марксистов-комиссаров: всем поровну – это библейская идея.

Риоль вдруг почувствовал, что разговор с Крайстом рождает понимание особого качества.

Понимание с добавлением слова «льзя» в качество этого понимания.

– Есть не большое отличие между Библией и марксизмом. Библия учит: «Поделись с ближним», – а марксизм: «Отбери у того, у кого больше, чем у тебя...» – сказал Крайст Риолю, а слов Искарриота, находившегося в кустах неподалеку, они, занятые своим разговором, не слышали:

– Как много люди должны были не делать, чтобы потом гордиться своей историей...

– Они звали бедных воевать за свое счастье. Разве это плохо, Крайст?

– При чем здесь война и счастье?

Бедные всегда готовы воевать за право делить то, чем владеют богатые.

За право зарабатывать собственное богатство – бедные не воюют...

Разговаривая, Риоль продолжал смотреть в даль, туда, где линия горизонта, ограничивала видимый ему круг вселенной.

И там, у горизонта, где синева неба разбеливалась, неожиданно для совсем ясной погоды, появилась серая линия.

Неровная, словно проведенная человеком, впервые взявшим в руки кисть.

Или, держащим кисть мастерски, и умеющим проводить не только прямые линии.

Постепенно эта линия становилась шире. Не так, чтобы захватить все небо, но все-таки, она превращалась из линии в полосу, все более темную и насыщенную.

А потом, между этой полосой и тем местом, где должна была находиться земля, проскользнул электрический разряд.

Потом еще один.

И еще.

Но молнии отдавали свою энергию земле далеко от Риоля и его спутников, и оттого казались безобидными и не опасными.

– Все-таки, революции – это прогресс, – сказал Риоль. И в его словах вопроса было больше, чем утверждения.

– О прогрессе мы поговорим в свое время, но пока помни, Риоль: революции – это прогресс варваров...

...Они говорили о политике, хотя ни тот, ни другой политиком не был: у Риоля на Земле было свое занятие, исполнение которого, как правило, связывалось с отсутствием на Земле, а Крайст сам был политиком, и потому отлично знал цену тем, кто этой самой политикой занимается. Но для их разговора о политике существовало, по крайней мере, две причины, одну из которых они оба знали.

Частослышимая бравада: «Политика меня не интересует!» – выдает не независимость человека, а его элементарную недоразвитость – непонимание того, что вся жизнь человека, так или иначе, зависит от политики.

Какая она, жизнь, можно понять, только задумавшись о том, почему она такая? – этим не интересуются только земляные черви.

Как бы они себя не называли.

И это и есть политика, ведь все жизненные вопросы, в конце концов, сводятся к тому – какова власть, и какими она дает возможность стать людям.

А вторую причину того, почему они говорили о политике, назвал Крайст:

– Мы пришли в мир социализма – туда, где политиком являлось все.

– Почему? – спросил Риоль.

– Потому, что ничего иного тот мир производить не мог...

Разговаривая, они без труда поднимались по склону холма на его вершину.

Люди, которые не удовлетворены тем уровнем, на котором они находятся, вообще, делятся на тех, кому легче подниматься вверх и тех, кто легко опускается.

Впрочем, такое бывает не всегда. Иногда, людям не только не позволяют идти вверх, головы поднять не разрешают. А тех, кто хочет смотреть по сторонам, быстренько приструнивают тем или иным способом.

* * *

Риоль шел чуть впереди Крайста, и потому он первым обратил внимание на то, что выше по склону виднелись какие-то, не понятно, откуда взявшиеся, белые пятна, издали напоминавшие осколки фарфора.

Подойдя к ближайшему из них, он разбросал ногой землю вокруг чего-то полускрытого грунтом, и обнаружил кость. Не нужно было быть специалистом по анатомии, чтобы понять, что кость человеческая.

Рядом, из-под земли торчала другая, а в нескольких метрах от того места, где стоял Риоль скалил зубы череп с рассеченным лбом.

Присмотревшись внимательнее, он заметил еще несколько изуродованных черепов.

– Да, что же здесь такое происходило? – Риоль смотрел Крайсту в глаза, и Крайст не отвел свои:

– Война. И не только здесь, но и по всей твоей родине. Гражданская война.

– То есть, соплеменники воевали с соплеменниками?

– Да. Война с чужаками иногда может быть жестокой. Война между своими – жестока обязательно.

– Но почему?

– Потому, что самая кровавая борьба – это борьба тех, кто не может оставлять свидетелей. Ведь для того, чтобы оставлять свидетелей – нужно быть уверенным в том, что после войны кроме победы, сумеешь предъявить еще и правоту.

Самая жестокая борьба – это борьба тех, кто не может сформулировать, в чем заключается их правота...

– Потом все будут лежать в одной земле, – тихо, не монологизируя продолжал Крайст:
– И революционеры, и революционеры, убившие первых революционеров за то, что те были недостаточными революционерами, и убитые последующими революционерами, революционеры – убийцы первых революционеров.

Потом новые революционеры станут убивать революционеров-предшественников для того, чтобы занять их место в креслах правительственных чиновников и в могилах, до тех пор, пока революционеры будут оставаться революционерами.

Но еще чаще революционеры убивали тех, кто революционерами не был – своих нормальных, не больных революциями современников.

И лишь тогда, когда революционеры перестанут быть революционерами, а превратятся в обыкновенных прощелыг, просто повторяющих революционные лозунги – массовые убийства закончатся.

Тогда начнется Большой застой.

Потому, что бессмысленность революций станет очевидной всем, и очевидность эту невозможно будет скрыть. Но революционные догмы останутся, останутся, чтобы заставить людей жить в своих пределах.

– Люди убивали людей? Какая дикость.

– Иногда, Риоль, человек – самый большой нечеловек на свете...

Постепенно, обложив горизонт тучами со всех сторон, гроза стала вакцинировать почву электричеством.

Видимым.

Ярким, хотя и далеким.

И от этих уколов громко вздыхали толи небо, толи земля...

– И кто победил?

– Победили те, кто был более жестоким.

Но помни: победа – это не доказательство правоты.

Но не это главное – главное, что вражда вошла в привычку, – глядя прямо перед собой, тихо подытожил Крайст, но подошедший к ним в этот момент Искарриот, скривив лицо презрительной гримасой, прибавил:

– И люди легко к этой привычке привыкли...

Риоль не раз видел планеты, на которых одни воевали с другими, себе подобными.

Встречал он и планеты, на которых одни победили, и даже полностью уничтожили своих противников-соплеменников.

Но почему-то ни на одной из этих планет не было счастья.

Жители этих земель не раз спрашивали Риоля:

– Когда же мы будем жить как вы?

И Риоль тогда не знал, что им ответить.

Теперь он смог бы ответить на этот вопрос:

– Когда признаете, что, уничтожая себе подобных – вы становитесь хуже...

Но вышло так, что впервые Риоль подумал об этом не на чужой, а на своей земле...

Незаметно – в их разговоре, основными были вопросы – дорога, по которой они шли, стала прямой и очень ровной, не смотря на то, что продолжала тянуться по пригорку.

Опытный взгляд Риоля отметил это сразу, хотя сам Риоль в начале не придал этому значения.

Иногда, значение придает время.

Иногда, значение предают люди...

– ...Ты думаешь, что погибают самые лучшие из людей? – спросил Риоль Крайста.

– Я думаю, что если кто-то не является самым лучшим – это не повод для того, чтобы ему просто так погибать от чьих-то пуль в затылок...

– Что же делать с теми, кто участвует в гражданских войнах? – Риоль в первый раз обратил внимание на то, что постоянно задает вопросы.

Это был его первый опыт.

Он, человек не совсем молодой, побывавший в самых разных местах и видевший многое, вдруг ощутил то, сколько вопросов перед ним встает.

И вообще, сколько вопросов стоит перед человеком, когда рядом оказывается тот, кто способен их выслушать и помочь найти ответ.

Крайст промолчал, а Искарот ответил так, словно ответ на этот вопрос у него давно был готов:

– Вначале – оплакивать не судя, а потом – судить не оплакивая...

– Хорошо, что я родился в другую эпоху, – проговорил Риоль, – Хорошо, что страна ушла из этого времени.

– Эта эпоха пока не закончилась, – ответил ему Крайст.

– Когда же она закончится?

– Когда будет поставлен памятник всем погибшим в этой Гражданской войне...

– Когда-то это должно закончиться.

– Не скоро. После гражданских войн – гражданского мира не бывает очень долго...

* * *

Риоль довольно хорошо знал холм, возвышавшийся рядом с его домом, и потому был несколько озадачен тем, что у них под ногами оказалась основательно наезженная грунтовая дорога, ведущая к вершине.

– Раньше я этой дороги не видел, – проговорил он, пожимая плечами.

– Ты не видел ее позже, – ответил Крайст, – Пойдем по ней?

– Пойдем. Похоже, что это – провидение.

– Пошли. Только помни, что провидение – это автор пьесы, а не актер на сцене...

Но идти им пришлось совсем не долго. За первым же поворотом, там, где кусты подступали к самой дороге, их остановил окрик:

– А, ну, стой! Стой, кому говорю. Кто позволил шляться по секретному объекту? – прямо перед ними стоял человек вооруженный допотопной винтовкой с примкнутым к концу ствола длинным штыком.

Крикливый винтовконосец был одет в стиранную перестиранную гимнастерку без погон, но с заплатами на локтях, подпоясанную истертым кожаным ремнем. Его ноги, обутые в дырявые ботинки, которым веревки заменяли шнурки, украшались грязными обмотками. Фуражка на голове, хоть и звезда над сломанным козырьком, но была такой помятой и пыльной, что вызывала брезгливость.

«Крайст тоже одет в поношенную и заплатавшую одежду, но его одежда была всегда чистой, а одежда человека, остановившего их, казалась грязной, даже сразу после стирки.

«Прекрасная помесь власти и нищеты», – подумал Риоль, и это было последнее, о чем он успел подумать, перед тем, как получил удар в затылок.

Откуда-то из травы повыскакивало еще несколько таких же вооруженных людей, и они, скрутив Риолю и Крайсту руки за спиной чем-то вроде колючей проволоки, впивавшейся в кожу своими шипами, потащили их по дороге, норовя при этом то пнуть ногой, то ударить прикладом в спины своих пленников.

Впрочем, двигаться, таким образом, Риолю и Крайсту выпало не долго. Уже через несколько шагов дорогу перегородил высокий забор, не окрашенный, но с хорошо прошпаклеванными щелями между досок.

Не то – дверь, не то – калитка с окошечком-смотровиком служила для принятия внутрь забора тех, чья судьба было оказаться внутри.

Перед тем, как постучаться в калитку, тот, что остановил Риоля и Крайста, и, по-видимому, вызвал подмогу, сплюнул, выругался и сказал:

– Радуйтесь, гады, что вас сюда привели. А-то ведь я мог бы вас на месте шлепнуть.

Из-за угла забора появилось лицо человека, одетого в дорогую французскую тройку:

– Умных – судят по тому, что они сделали. Остальных – по тому, что они могли бы сделать...

За забором находился, мощный бетонными плитами двор, посреди которого стояло красное кирпичное одноэтажное здание, мрачное, человеконелюбивое.

А между плитами во дворе кое-где пробивалась травка, веселозеленая на солнце. Она как будто бы говорила, что не имеет ни к плитам двора, ни к кирпичам дома никакого отношения. Словно артистка варьете случайно оказавшаяся на слете передовиков из числа работников похоронных бюро.

Только во дворе, Риоль обратил внимание на то, что Крайст при ходьбе подволакивает ногу.

– Ты устал, Обопрись на меня.

– Спасибо, – проговорил Крайст, подняв на Риоля свои грустные голубые глаза, – Только теперь ты – обопрись на меня тоже...

В холе здания было накурено и наплевано.

Кроме этого, там находилось много людей, называвших друг друга красноармейцами и очень похожих на того, видимо тоже красноармейца, который задержал Риоля и Крайста на дороге.

Но главным, судя по тому, как к нему обращались: «товарищ...» – являлся еще совсем молодой человек, сидевший за столом, установленном посреди помещения.

Заваленным мятыми бумагами, обрывками газет и книжками-брошюрами без обложек.

– Этих куда? – спросил кто-то из сопровождавших Риоля и Крайста.

– Куда? – переспросил «товарищ», взглянул вначале на Риоля, затем на Крайста, потом, изобразив на лице смертельную усталость, тяжело вздохнул, выпустив из себя вместе с воздухом изрядную дозу паробразного первача, – Куда? Как будто ты сам не знаешь. Вначале в камеру, а потом – в расход.

Хотя погоди. Что-то рожа старика мне знакома. Не ты ли был мельником-мироедом в Верхних Леснянках? Где-то я тебя видел.

– Мельником я не был, – тихо ответил Крайст, – И нигде мы с вами встретиться не могли, потому, что у нас разные дороги.

Но таких, как вы, я видел не раз.

– Опять грамотный попался, – недовольно поморщился «товарищ», – В камеру, а потом – в расход...

* * *

– Ты, что-нибудь понял? – спокойно спросил Риоля Крайст. И это спокойствие передавалось Риолю, как передается эстафетная палочка.

– Я понял, почему у Фемиды завязанные глаза.

– Почему?

– Чтобы не видеть того, какие судьи ей иногда служат...

Грязное, давно не мытое помещение, пропахшее мочой и людской рвотой, с настолько потемневшими, что было неясно, какого цвета они были изначально, стенами и единственным окошком, таким маленьким, что в него не смог бы пролезть ребенок-ползунок, но для чего-то забранным крестом решетки, называлось камерой. По стенам камеры стояли двухэтажные нары, предполагающие, что в ней должно находиться несколько десятков людей. Но сейчас нары были пустыми. Только в углу одиноко сидела, положив руки на колени, очень красивая девушка.

Такая красивая, словно была нарисована акварелью.

– Вас-то за что? – спросила она.

– За то, что шли по дороге. А тебя?

– Сказали – за то, что проститутка.

– Милое дитя, – Крайст склонился над ней, опершись одной рукой о верхние нары, – Разве тебе пристало заниматься этим делом?

– Им, – девушка кивнула в сторону закрытой двери, – Просто хочется, чтобы я оказалась проституткой. Это дает им право на поступки.

В отношении вас – им захочется, чтобы вы были монархистами-сторонниками Учредительного собрания.

Здесь таких много перебивало.

– Но ведь это невозможно – быть одновременно сторонником и монархии, и Учредительного собрания. Эти две системы в самом принципе противопостоят друг другу, – проговорил Крайст.

– Вы всерьез? – усмехнулась девушка, не поднимая головы, – Вы всерьез ожидаете знания таких тонкостей от борцов за чужую свободу?..

– И все-таки, это хорошо, что ты не проститутка, потому, что проституция очень мерзкое дело.

Девушка подняла глаза на Крайста, улыбнулась, не без части сарказма и ответила:

– Если бы проституция была бы только сексуальной – это дело было бы не таким мерзким...

Находясь за ржавыми железными запорами, Риоль и Крайст не видели, да и не могли видеть того, что Искарриот аккуратно снял свой французский пиджак и сложил его на траве. Потом повесил коричневую шляпу на сук дерева, вытащил откуда-то кожаную куртку и фуражку с красной алюминиевой звездой и нацепил все это на себя поверх жилетки.

Подойдя к калитке, он достал из внутреннего кармана замусоленный, но весь в сургучных печатях, конверт и громко постучал в дверь.

Открывшего на стук красноармейца, он оттолкнул, чем заставил бойца опешить, и твердой походкой, осознающего свою власть человека, направился к кирпичному дому.

Войдя в него, Искарriot взмахнул пакетом и громко крикнул:

– Приказ от товарища Троцкого!

Фамилия «Троцкий» произвела на всех присутствующих такое большое впечатление, что мгновенно наступила тишина, а красноармейцы и их начальник вытянулись по струнке.

– Особый отряд номер тридцать два готов выполнить любые приказания борца за свободу пролетариата товарища Троцкого, – подрагивающими губами, явно трепеща, при имени Троцкий, выговорил старший.

Искарriot подошел к старшему, заглянул в его испуганные глаза, и подумал: «Это не верно, что с людьми всегда нужно разговаривать на том языке, который им понятен.

Иногда, с людьми нужно разговаривать на том языке, который они заслуживают», – а потом, тем пакетом, что держал в руках, наотмашь дал ему несколько пощечин:

– Кто задержал представителей Коминтерна?!!

– Красноармеец Севрюгов, – окончательно упав душой, выговорил старший.

– Немедленно открыть камеру!

– Есть!

Но когда Искарriot вошел в грязь, в которой находились Риоль и Крайст, он почему-то, прежде всего, посмотрел на девушку, словно нарисованную акварелью:

– Н-да, красивая женщина и привлекает, и отвлекает одновременно...

В этот момент из-за спины Искарriота появилось испуганное лицо старшего – хмель из него, как ветром выдуло:

– Это, – он указал пальцем, при этом сделал это так, словно подчеркивал, что не имеет отношения к поступку своего подчиненного никакого отношения, и больше того – терпеть не может таких подчиненных, – Красноармеец Севрюгов. Что прикажете с ним сделать?

Искарriot посмотрел на красноармейца, потом на его начальника, изобразил на лице смертельную усталость, тяжело вздохнул, и проговорил:

– В камеру. А потом – в расход.

И тебя тоже.

Стоявшие в коридоре красноармейцы дружно подтянулись, а потом, выполняя привычную работу, сорвали с уже бывшего своего старшего кожаную куртку и ремень с кобурой, и толкнули того в камеру.

Севрюгов, поникнув головой и ссутулившись, сам отдал винтовку и, стянув с себя гимнастерку, перешагнул порог грязного помещения.

Там они оба тихо уселись на нары, готовые расстреливаться.

«Ничего себе – борцы за свободу, – подумал Риоль, – Бараны на бойню и то не идут так безропотно.

А этим все безразлично: что других стрелять, что себя под свою пулю ставить...»

– Может не стоит с ними так? – Крайст вопросительно посмотрел на Искарriота.

– Какая разница? Ты ведь знаешь, что через месяц их все равно свои же в чем-нибудь обвинят.

Они сами называют это революционной законностью.

При такой законности, те, кто находится на свободе, представляют из себя, куда большую опасность, чем те, кто сидит в тюрьме...

– И все-таки – это убийство, – как-то не очень уверенно сказал Риоль.

– Те, кто ведет гражданские войны – сами и убийцы, и самоубийцы одновременно, – сплюнув на невымытый пол, сквозь зубы проговорил Искарriot.

– ... Интересное у тебя представление о людях, – сказал Риоль, выходя из калитки вслед за Искарриотом, и видя, как тот брезгливо сбрасывает с себя кожаную куртку и аккуратно надевает поверх жилетки свой дорогой французский пиджак.

Замусоленный конверт с сургучными печатями, Искарриот повертел в руках и выбросил в кусты:

– Да. Об определенной категории людей я имею некоторое представление.

И иногда мне очень хочется, чтобы оно было ошибочным...

– О чем ты думал, когда сунулся сюда? – спросил Крайст, внимательно глядя на Искарриота, который подошел к ним вместе с девушкой, нарисованной акварелью.

– Это не имеет значения. Куда важнее то, о чем я не думал, – ответил Искарриот, так же внимательно глядя на Крайста.

– О чем же ты не думал?

– Я не думал о том, что мне опять придется присутствовать при твоём последнем часе...

Слушая все это, девушка, нарисованная акварелью, молчала, но по ее лицу было видно, что она ничего не понимает, а просто рада тому, что оказалась на свободе. И еще то, что она сразу поверила людям, освободившим ее.

Иногда, для того, чтобы в тебя поверили – дать человеку свободу – это вполне достаточно.

– А можно я пойду с вами?

Конечно можно, дитя мое, – ответил ей Крайст, а Искарриот усмехнулся: «Раньше ты набирал себе спутников из мужчин», – но сделал он это про себя.

– Ты, что же, стал женоненавистником, Искарриот? – спросил Крайст, и Искарриот, казалось, совсем не удивился том, что Крайст прокомментировал не сказанное им.

– Нет, Крайст. Просто все самое значительное на земле создано мужчинами

– Да – все.

Кроме мужчин...

Искарриот отошел на некоторое расстояние, сдвинул свою шляпу на затылок и пробормотал:

– Если не обращать внимания на мелкие женские недостатки: корысть, интриганство, самовлюбленность, лицемерие, склонность к изменам – то можно обнаружить у них великие достоинства, – видимо расстояние, на которое отошел Искарриот, оказалось недостаточно большим. Во всяком случае, Крайст, явно иронизируя, поинтересовался:

– Какие, Искарриот?

– Длинные ноги, например...

– ...Только я очень голодная, – смущаясь того, что начинает с просьб, проговорила девушка, нарисованная акварелью.

– Нам тоже не мешало бы подкрепиться, – поддержал ее Риоль, – Правда, я предпочел бы оказаться подальше от этого места.

– Не думаю, что здесь рестораны лучше, чем тюрьмы, – пожал плечами Искарриот, – Так, что я вообще предпочел бы оказаться в другой эпохе.

Крайст тоже пожал плечами, и Риоль впервые увидел, как тот делает то, что остальные люди, делают постоянно:

– Там внизу, у дороги когда-то была не плохая корчма. Правда, корчмарь – каналья.

А Искарриот, ухмыльнувшись, прибавил:

– Как все корчмари...

* * *

По склону холма они спускались напрямик, да и дорога куда-то делась, видимо затерявшись в высокой, никогданекошенной траве.

Девушка и Искарриот шли быстрее, ориентируясь на черепичные остроконечные крыши, блестящие на солнце у подножья холма, а Крайст и Риоль чуть приотстали:

– Крайст, – спросил Риоль, видя, как Искарриот, бережно поддерживает под руку девушку, которой не ловко было спускаться на высоких каблуках по крутому склону, – Тебе не кажется, что Искарриот довольно странный?

– Что тебя в нем удивляет?

– Для дурного человека, он слишком прилично себя ведет...

– Дурной человек? Ты это об Искарриоте, который только что нас спас?

– Крайст, я так думал.

– Ничего. Вспомни, что я сказал тебе о добре и зле при нашей первой встрече.

– Я помню, но просто... – Риоль не смог сразу подобрать соответствующего выражения, и Крайст сделал это за него:

– Просто у человека иногда такая репутация, что лучше бы ее вообще не было...

– Я слышал о том, что он предал тебя, Крайст.

– А ты слышал о том, что меня кто-нибудь не предавал?..

– Знаешь, Крайст, я думал, что Искарриот твой враг.

– У него были все свойства друга.

Кроме верности...

– Много воды утекло с тех пор, Крайст.

– Да, Риоль, и иногда мне кажется, что с тех пор Искарриот сошел сума.

– Как это?

– Он стал все время говорить правду...

– Крайст, а почему люди, вообще, так много врут?

– Потому, что ложь защищать легче, чем правду...

Они замолчали, думая каждый о своем, хотя на самом деле, они думали об одном и том же.

Когда двое, думая каждый о своем, думают об одном и том же, это уже не просто попутчики, это – единомышленники.

– Кстати, а если бы Искарриот не освободил бы нас – что бы мы делали?

– Ничего, Риоль. Просто ушли и все.

– Значит, он, можно сказать, ничего для нас и не сделал, если мы могли уйти без его помощи?

– Он пришел помочь нам.

А людей нужно оценивать не по поступкам, а по намерениям.

Это – куда человечней...

– А как же: «Благими намерениями... дорога в ад»?

– Это оправдание, которое придумали те, кто не понимал, что такое истинные благие намерения...

– Иногда, цель оправдывает средства.

– Нет, Риоль, средства, попросту, выдают настоящий смысл цели...

Риоль почувствовал, что получил право задавать любые вопросы.

И понял, что должен задать какой-то очень важный.

Только сразу не смог понять – какой?

Но самый важный вопрос нашелся сам собой:

– И уж прости меня, Крайст, совсем неожиданный вопрос: «Что такое ад?»

– В этом вопросе нет ничего неожиданного: ад – это место, где тебя никто никогда не любит...

Так, разговаривая, перемежая шаги с остановками, они настолько отстали от Искарюта и девушки, нарисованной акварелью, что когда Риоль толкнул сосновую дверь корчмы, те уже сидели за длинным столом, отполированным локтями многих посетителей.

На стенах большой комнаты висели очучеленные головы диких зверей и свечные фонари, сейчас не горевшие потому, что мутные слюдяные стекла вдоль одной из стен давали днем достаточно света для того, чтобы разглядеть и стол, и то, что могло оказаться на столе, достойно длинном, чтобы уместить за ним несколько разных компаний.

И именно из-за длины стола, сама комната казалась узкой и длинной.

Кроме них, в том, что можно было бы назвать залом, находилось несколько крестьян и два бродячих монаха, сидевшие за отдельным столом в углу у очага.

По громкому разговору, преходящему в нестройные выкрики, и количеству бутылок и кувшинов, стоявших на том конце стола, где сидели крестьяне, чувствовалось, что сидят они уже давно и выпили прилично.

– Гуляет народ, – усмехнулся Риоль, – Отсюда наше пьянство?

– Нет, – ответил Крайст, – Пьянство начнется позднее. Когда после смерти одного тирана, его приемники, имея возможность утопить страну либо в новой крови, либо в старых кризисах, решили утопить страну в водке, увеличив ее выпуск в восемь раз. Потом эти лидеры захотели засадить страну кукурузой, но все это было потом, в том времени, в которое мы еще вернемся.

А эти крестьяне просто нагуливаются перед постом.

– Кстати, Крайст, я хотел тебя спросить: посты соблюдать очень нужно?

– Ты ведь сам знаешь, что периодическое голодание полезно для здоровья.

– Знаю.

– Так зачем спрашиваешь?..

– Вообще-то, ты пришел для того, чтобы давать людям ответы, – глядя на Краста, слегка прищурено, сказала девушка, нарисованная акварелью.

– Я не обещал людям отвечать на все вопросы, – явно подмешивая грусть в свои слова, проговорил Крайст, а Искарюта, смахивая полями своей коричневой шляпы крошки со стола, тихо, так, что его не расслышала даже девушка, сидевшая рядом с ним, добавил:

– Потому, что заранее предполагал бессмысленность многих из них...

* * *

В это время к ним подошла очень красивая девушка-разносчица кушаний: «Что подать господам?»

Черные волосы, карие глаза.

Таких, одним движением руки, легко рисуют хорошие рисовальщики угольным карандашом.

Риоль невольно засмотрелся на нее:

– Посмотри, Крайст, какая она красивая.

– В моем возрасте меня уже интересней, чем официантки, – застенчиво ответил Крайст, но в этот момент, обратив внимание на непривычную и дорогую одежду новых посетителей, грубо оттолкнув девушку, нарисованную углем, пред ними очутился жирный корчмарь:

– Что изволят господу чужестранцы?

– Мяса, – ответил ему за всех Искарriot.

– И не забудьте подать еду тем странникам, что сидят в углу, – добавил Крайст.

Мясо принесли через несколько минут, но когда из угла, где сидели странствующие монахи, раздалось:

– Спасибо тебе, Господи, за пищу, посланную нам, – Крайст, без всякого успеха попытавшийся вилкой отделить кусочек мяса, поморщился, и, не выдержав, воскликнул:

– Ну, уж нет! Этот жесткий бифштекс послал нам не Бог, а мерзкий буфетчик, ленившийся отбить мясо и вымочить его в молоке или вине перед жаркой.

– Да это безбожник! – возмущенно крикнул один из странствующих монахов.

– Перестань, святоша, – донеслось с той стороны стола, где сидели крестьяне, – Просто выпил человек лишнего.

При этих словах Искарriot задергался от хохота:

– Настоящий мудрец тот, кому дураки отказывают даже в праве считаться трезвым...

Желтые глазки толстого корчмаря бегали по лицам споривших, а физиономия отражала желание понять, грозит ли такой разговор неприятностями ему самому

И определить меру этих неприятностей.

Два княжеских стражника, остановившие своих лошадей у коновязи во дворе, спешившихся и направившихся к дверям корчмы, положили конец сомнениям.

«Стражники разбираться не станут, – решил корчмарь, – За любой спор о боге – княжеская дыба обеспечена».

– Тише! – зашипел он, выпучив свои глазки, отчего они стали еще желтее, – Тише! Хватит спорить. Княжеская стража.

Все сидевшие в зале, включая и странствующих монахов, тут же примолкли – видимо, иметь дело со стражей не хотел никто.

Богу – богово, князю – князево.

Но стражники, постояв у дверей и, видимо, передумав входить, ускакали.

Корчмарь облегченно свободно вздохнул, и ему тут же захотелось найти виновного в его собственном страхе.

Когда трус вздыхает свободно, ему всегда хочется кого-нибудь наказать за свой прошлый страх.

Настоящие виноватые за страх могут нагнать новые страхи, поэтому виновного трус всегда ищет не среди тех, кто вызвал страх, а среди беззащитных.

Самой беззащитной оказалась девушка, нарисованная углем.

– Убирайся отсюда!

– Куда же мне идти, хозяин?

– Подыхать на большой дороге! Я тебя из милости приютил, а ты... – жирный корчмарь замялся, подыскивая вину для служанки, но его, подходя ближе, перебил Крайст:

– Если кричишь о милости, значит это не милость, а корысть, – а то, что сказал Искарриот, оставшийся сидеть за столом, но уже застегнувший пиджак своей дорогой французской тройки, никто не услышал:

– Из милости не берут, а дают...

Когда Крайст, Риоль и девушка, нарисованная акварелью, – Искарриот задержался в зале – уже выходили из дверей корчмы, к ним подошла девушка, нарисованная углем:

– Можно я пойду с вами?

– Можно, – ответил Риоль, – Только мы пойдем очень далеко.

– Чем дальше отсюда – тем лучше.

– Почему ты хочешь отсюда уйти?

– Потому, что здесь меня никто не уважает

Поэтому мне все равно куда идти.

– На нашем пути может случиться разное.

– Разное – может случиться и без всякого пути... А потом, вы разве не знаете, куда идете?

– Мы знаем, куда идем, но куда придем – пока неизвестно.

– Я хочу пойти с вами.

– Почему ты выбрала именно нас? Неужели мало путников, способных о тебе позаботиться, проходит здесь?

– Не мало. Но все они знают куда придут. И поэтому, они все одинаковые.

– А что особенно в нас?

– Мне кажется, что вы уважаете себя, может тогда, вы и меня станете уважать.

– Что значит, по твоему – уважать?

– Уважать человека – это, значит, предоставлять ему возможность делать выбор...

– Кстати, а где Искарриот?

Девушка, нарисованная акварелью, заглянула в окно корчмы и ответила Риолю:

– Проповедует жирной свинье-корчмарю библейские истины.

– Это – как?

– Получил по одной стороне физиономии – подставь другую.

Риоль посмотрел на Крайста: «Осуждаешь насилие?» – Крайст вначале промолчал, но, увидев, как появившийся, наконец, в дверях Искарриот, достал из бокового кармана платок, вытер им правую руку, а потом с отвращением бросил кусок ткани на землю, тихо сказал, перекрестившись:

– Когда как...

– Чего испугался корчмарь? – спросил Крайста Риоль.

Он уже понял, что вопросы – это все.

Ответы – это все, тоже.

– Остальные испугались не меньше. Просто некоторые из них были пьяны.

– А пьяные ничего не боятся?

– Они боятся. Только потом.

– Так чего же они все боятся?

– Князя.

– Почему?

– Их так с детства учили – бояться князя.

– Больше чем Бога?

– Небоятся Бога они учились потом, когда росли.

– Почему?

- Потому, что князь – это для них ежедневный и князь и Бог.
- Не понимаю: как можно быть Богом, не будучи им?
- Для забитых, суеверных, неграмотных людей, только небог и может быть Богом...

Искариот, что-то шептавший двум девушкам, при этом, довольно ехидно улыбаясь, казалось, не слушал их разговора, но после последних слов Крайста, обернулся и тихо проговорил: «Для забитых, суеверных, неграмотных людей, Богом может быть кто угодно...»

– Скажи, Крайст, суеверия – тоже от дьявола? – спросил Риоль, задумавшись, словно еще не задавая вопроса, а только подходя к нему.

– Суеверия от страха и глупости, и это, конечно, зло, – ответил Крайст, но потом, вздохнув, добавил:

– Только что это была бы за человеческая цивилизация, если б не было суеверий...

– Почему люди боятся Бога больше, чем Дьявола? – это и был главный вопрос, который в этот момент хотел задать Риоль Крайсту, но Крайст ответил не задумываясь, как будто, отвечать на этот вопрос ему приходилось уже не раз:

– Потому, что с Дьяволом людям легче договориться...

– Но ведь люди рассчитывают на помощь именно Бога, а не Дьявола.

– Для того, чтобы рассчитывать на помощь Бога, нужно для начала найти с Ним общий язык...

– Но ведь Бог помогает людям? – проговорил Риоль, но в его голосе не было уверенности. Крайст заметил это и, покачав головой, улыбнулся:

– Только в том случае, если цели Бога и цели людей совпадают...

– И все-таки, много лет, надежда на Бога – была единственной надеждой людей.

– Надежда на бога – это только прикладная часть веры, Риоль.

Ошибка людей заключается в том, что они просят у Бога невозможное.

– Но разве для Бога есть что-нибудь невозможное?

– Конечно. Бог не может считать, что ему возможно все. Этим он отличается от людей – твоих современников...

– Что же может ограничить область дел Бога?

– Область дел Дьявола.

– Почему?

– Потому, что Бог не может делать то, что хочет делать Дьявол...

– Но, в конце концов, для защиты людей от дьявольских несправедливостей, Бог создал адвоката. После этого, по крайней мере, в оценке людских поступков, дьявол оказался бессильным? – услышав эти слова Риоля, Крайст откровенно рассмеялся:

– Нет. Дьявол просто создал второго адвоката...

– Скажи, Крайст, в древние времена историю было делать легче и интересней?

– Нет. Просто это обходилось дешевле...

* * *

– Кстати, мы так и не пообедали, – конкретизировала девушка, нарисованная акварелью, поправляя свои белокурые волосы и делая вид, что не замечает того, что мужчины любят ее ей.

– Да, а если учесть, что мы и не позавтракали, то проблема удваивается.

Голод – не теща, из дома не выгонишь.

Только теперь уж харчевню выберу я, – сказал Искарриот. Крайст посмотрел на него с сомнением, но согласился:

– Посмотрим, что у тебя получится.

– Доверьтесь моей интуиции.

– Доверяя интуиции, не стоит забывать того, что интуиция – это результат эволюции непонимания...

Искарриот осмотрелся и исчез в кустах, сквозь которые несколько тропинок вели к асфальту шоссе, находившегося сразу за не высокими деревьями, над которыми возвышались мачты ЛЭП.

По одной из этих тропинок Крайст, Риоль и девушки вышли на дорогу, покрытую свежей разметкой из непрерывных и прерывистых линий.

Шоссе было таким прямым, что стометровые столбики в белую и красную полосу виднелись на несколько километров вперед, и лишь где-то у горизонта, сведенный в одну тоску асфальт делал поворот у темневшей группы деревьев.

Вдоль гравийной насыпи, как раз с той стороны, откуда они вышли на дорогу, стояли фонарные столбы, обвешанные шарообразными плафонами гелиевых ламп.

Было светло, но лампы почему-то горели.

И от этого, дорожные знаки, прикрепленные к столбам, слегка фосфоресцировали.

Риоль, почти автоматически, подчиняясь старой привычке опытного астролетчика, одним взглядом оценивать показания приборов на панелях управления и замечать все аномалии от ожидаемого, отметил, что среди знаков: «Только прямо», «Ограничение скорости 90», «Осторожно. Возможен выход животных на дорогу» и даже надписи «Самовольная порубка леса запрещена!», – указателя «Пункт питания» не было.

Не смотря на то, что шоссе было совершенно пустым, оно выглядело таким ухоженным и эксплуатируемым, что не вызывало сомнения в том, что машины ездят по нему часто. К тому же, в нескольких сотнях метров от того места, где стояли Риоль, Крайст и девушки, виднелась автобусная остановка, украшенная полуметровой красной буквой «А» на белом фоне.

– Ты когда-нибудь ездила на автобусе? – спросил Риоль девушку нарисованную углем.

– Нет, но однажды мимо дома, в котором я жила, шестерка лошадей тащила осадную катапульта. Так, что того, что большой телеги я не испугаюсь.

– Тогда все нормально. Только лошадей в той телеге, на которой мы, наверное, поедем, будет штук пятьдесят. Не меньше.

– Если лошадей больше трех, это уже не имеет значения – без конюха, знающего, как с ними обращаться, все равно не обойтись.

Лишь бы конюх был не пьяница...

В этот момент, у них за спиной раздался звук клаксона, и оглянувшийся Риоль увидел автомобиль, за рулем которого сидел Искарриот.

– Ты где взял машину?

– Как, где – в пункте проката.

- И не было проблем?
- Нет. Не считая того, что мои права оказались старого образца.
- А почему же ты не получил новые права? – усмехнулся Риоль.
- Не успел.
- Только за сегодняшний день, наши права менялись уже три раза...

– Ладно, хватит разговаривать. Садитесь, и поедem, – Искарриот широким жестом мелкого собственника распахнул двери машины.

- Куда?
- Обедать.
- Где же ты собираешься нас накормить на пустой дороге?
- Если есть дорога – значит, есть и «Макдональдс».

Только у меня зреет ощущение, что наши неприятности еще не закончились.

Посмотрев на Искарриота, Крайст проговорил:

- В тебе появилось то, чего я не замечал раньше.
- Что?
- Оказывается ты – импрессионист...

Крайст сел на переднее сидение, с удовольствием вытянув свои худые ноги, обутые в стоптанные ботинки. Риоль – между девушками, на заднем сидении.

Машина была большой, и в кабине они разместились довольно свободно, но Риоль все-таки ощущал соприкосновение девушек.

Это было ему приятно, хотя он и не задумывался – почему?

Просто, прикосновение женщины – всегда комфортно для мужчины.

Иначе – это не мужчина...

Даже, если женщина незнакомая.

- Каждая женщина – не знакомая, – тихо проговорил Крайст, а потом добавил:
- Иначе – это не женщина...

– Что тебя беспокоит? – спросил Крайст, видя, что Искарриот сосредоточенно молчит.

– Посмотри сам, – Искарриот указал на группу деревьев, за которыми дорога делала поворот вправо.

Там действительно происходило что-то странное, особенно на фоне совершенно пустынного и потому, казавшегося очень спокойным, шоссе.

Под деревьями находилось несколько автомобилей зеленого цвета с синей полосой по кабине, на которой белыми буквами была выведено одно слово: «Милиция». Вокруг этих машин десятка два людей в мышино-голубоватой форме, в фуражках с красным околышком занимались чем-то, напоминающим одновременно и суету, и слоняние без дела.

Дальше от дороги, почти в лесу еще около полусотни людей сидели на корточках, но делали это так четко и сосредоточено, что было очевидно, что они не отдыхают, а ожидают приказа.

Эти люди были одеты в какие-то массивные, напоминающие не слишком удобные скафандры, одежды и закамуфлированные шапки, под которыми угадывались каски военного образца, только снабженные прозрачными масками. За плечами у них были такие же прозрачные щиты, а у пояса – длинные черные дубинки.

«Под одеждой у них – бронезилеты, – отметил Риоль, – Уж, не на войну ли мы попали?»

– Это такой мир, – тихо проговорил Крайст, и было не понятно, имел он ввиду – отсутствие боевых действий между странами, или состояние общества.

Еще дальше находились совсем странные люди, одетые в обычную полевую форму. Странность заключалась в том, что лица этих людей закрывались черными масками с узкими прорезями для глаз. В руках у масочников были короткоствольные автоматы без прикладов.

Когда машину, которую вел Искарриот, поравнялась с деревьями, тормозя перед поворотом, Риоль, во взглядах тех, кто стоял возле милицейских машин, заметил сомнение: «Задержать или нет?» – но, видимо, приказа задерживать проезжающие машины, у этих людей не было, а было только желание...

* * *

Вокруг «Макдональдса», находившегося в нескольких сотнях метров за поворотом дороги, собралась довольно разношерстная, но явно агрессивно настоящая толпа. За зданием «Макдональдса» находилась котельная, напротив – дома налогоплательщиков.

А над дверями «Макдональдса» висело рекламное объявление: «Бесплатных ланчей не бывает!»...

Люди, понятия не имеющие о том, что такое ценности, и не понимающие идей – думают, что идеи важнее ценностей.

И потому их легко собирать на борьбу с ценностями, ради идей.

Чтобы разрушить идею, ее, как минимум, нужно понять – для того, чтобы крушить здания, их достаточно просто увидеть...

При этом, как всякая толпа, она состояла из людей самого разного толка. И, когда Искарриот притормозил, у капота произошло сразу несколько человек: совершенно лысая дебилная морда в черной шинели, напоминающей одежду железнодорожника, старушка, размахивающая транспорантиком, величиной в две сигаретные коробки, на котором красовалась, или, вернее – уродливалась, надпись: «Слава КПСС!», длинноволосый мальчик в красной майке, с протрафореченной физиономией бородача в бюретке, и несколько молодых людей в самой разнообразной одежде и многообразием цвета волос.

Хотя в этих людях нескрываяемо присутствовало что-то клоунское, их объединяло то, что на лице у каждого из них была написана борьба.

– За что боремся? – спросил Крайст, приоткрывая окно.

– За свободу! – дружно ответили, обступившие машину. Искарриот посмотрел на Крайста, и тихо и грустно, словно человек, не раз видевший подобную борьбу, и уже не раз разочаровывавшийся в борцах, проговорил:

– Чаще всего люди борются либо за то, что их не касается, либо за то, о чем не имеют ни малейшего понятия...

Риоля почему-то больше остальных, окруживших машину, заинтересовал длинноволосый мальчик. Вернее не мальчик, а человек, изображенный на его красной майке:

– Кто это?

– Некий Че Гевара с кофейных островов, – ответил Крайст.

– Кто он?

– Идеалист, циник, пацифист, душегуб, трибун, пустомеля, поэт, палач. Такими – легко восхищаться. С такими – в одном автобусе ездить страшно.

– Чем он занимался?

– Думал, что он прав...

– А против чего боремся? – не унимался Искарriot. Проголодавшийся человек имеет право на неумность.

Для остальных – неумность это боязнь показать свою никчемность.

– Мы – антиглобалисты! – выкрикнула какая-то девица из вторых рядов. На голове у нее находилось нечто, возможно называвшееся волосами, выкрашенное в зеленый, красный и синий цвет. Видимо это давало ей моральное право находиться в первых рядах, и она была не довольна местом, которое занимает возле чужой машины.

– А зачем «Макдональдс» атакуете?

– Мы против американского глобализма! – девица явно не умела говорить без восклицательных знаков.

– «Макдональдс» – не американская фирма – канадская.

– Какая? – по коллективному выражению лица, было ясно, что этот факт привел в замешательство всех.

– Канадская, – повторил Искарriot.

– Какая? – повторение этого вопроса могло продолжаться бесконечно, и чтобы положить этому конец, Искарriot примирительно проговорил:

– Ну, хорошо, вы – антиглобалисты. Но зачем же громить «Макдональдс»? Ведь это просто место, где обедают.

– Человек выше сытости, как сказал великий классик.

Риоль, слушавший все это, удивился такому словосочетанию – как будто, классик мог быть и мелким, а Искарriot, задумчиво повторил:

– Да, человек должен быть выше сытости. Но, думаю, классик забыл сделать одну оговорку.

– Какую?

– Выше сытости, может быть только сытый человек...

– Все равно – фирма жидовская, – в наступившей тишине твердозаученно выбубнил дебил в железнодорожной шинели, явно не задумываясь о том, что ничто так не глупит человека, как попытка выглядеть умным в собственных глазах.

– А, вы, простите, тоже антиглобалист?

– Я русский националист.

Риоль, видя, что возникает напряженность, шепнул Искарriotу: «Брось. Спорить с националистом – это все равно, что учить кибернетике бешеную собаку», – но Искарriot только улыбнулся:

– Последний вопрос – за что же вы боритесь?

– За чистоту расы.

– О какой чистоте расы вы говорите, если Русь триста лет находилась под монголо-татарами?

– Какими татарами? – круглое лицо с постоянно открытым ртом, вытянулось, – Что-то ты не то говоришь, дядя?

– То, что я говорю – тебе действительно не понятно, тем более, что этот исторический факт изучают в старших классах общеобразовательной школы. Но я вижу у тебя на шее православный крест.

– Конечно, я православный.

– И на кресте – распятие?

– Ага.

– На распятие у тебя Иисус?

– Ага.

– А ты знаешь, что написано над головой Иисуса на распятие?

- Что?
- «Иисус – Царь иудейский»...

- Я тебе не верю – ты предаешь русскую национальную идею. И ты просто лжешь!
- Может, ты сам лжец? – усмехнулся Искарriot.
- Это почему?
- Потому, что не верить людям, как правило, заставляют собственные предательства...

Едва не покалечивший остатки разума обилием новой информации, железнодорожный националист перед тем, как смешаться с толпой еще успел крикнуть, давая выход давней трещину, основе нищенского миропонимания:

- Национализм – это патриотизм! – на что Искарriot ответил, ни к кому не обращаясь:
- Национализм – это поиск того, по чьей вине ты дурак...

- Наша гордость!.. Нам дорого!.. – раздалось уже из толпы.
- Гордость... дорого... – скривился Искарriot, – Брось. Национализм – это гордость дешево...

– Послушай, Искарriot, русские составляли подавляющее большинство, – смущенно проговорил Риоль, – И нет ничего удивительного в том, что некоторые считали, что на этом основании они должны иметь привилегии.

- А знаешь, для чего нужны привилегии?
- Для чего?
- Для того, чтобы совесть не мешала.

И помни – если русских больше, чем татар или евреев, это не значит, что один русский – это что-то большее, чем один татарин или один еврей...

- Я с тобой согласен, Искарriot, но отчего же национализм так живуч?
- Оттого, что национализм – это снобизм нищих, упорствующих в своей нищете...

Искарriot вышел из машины и стал наблюдать за толпой.

Вслед за ним вышли девушки, и Риоль и Крайст остались почти одни.

Если не считать остальных людей, находившихся около и вокруг.

– Риоль, ты хочешь о чем-то спросить? Ведь разговор с нацистом заставил тебя задуматься о чем-то?

- Крайст, это очень деликатный вопрос.
- Мы для того и рядом, чтобы искать ответы.
- Ты знаешь ответ на мой вопрос?

– К сожалению, знаю.

– В Библии сказано, что евреи – это избранный народ. И в тоже время, антисемитизм существовал веками. И с этим невозможно спорить.

Может быть, евреи – это, действительно, плохой народ?

– Риоль, бывают плохие люди в любом народе.

Не существует плохих народов.

Искарriot оглянулся и посмотрел на Риоля, прищурив глаза, слегка притененные полями шляпы коричневого цвета:

- Это не беда. Беда в том, что и хороших народов тоже не существует...

Во время их разговора, шум вокруг них постоянно менял уровень и тональность: то, напоминая шелест женского платья, то, поднимаясь до грохота возбужденного паводком водопада. Видимо, это происходило оттого, что активность толпы колебалась в зависимости от успешности ее действий.

Успешности, в том смысле, который толпой понимается как успешность.

– Почему ты молчал, когда Искарriot спорил с этими идиотами?

– Спорил? – переспросил Риоля Крайст.

– Мне показалось, что – спорил.

– Иногда, спор – это глупость, сводящаяся всего лишь к тому, за кем останется последнее слово...

– Я это понимаю, но в споре рождается истина.

– В споре, Риоль, рождается спорная истина...

– Ты не торопился принимать в нем участие.

– Не торопись говорить сегодня то, что можно не спеша сказать завтра, – ответил Крайст, а Искарriot, услышав слова Крайста, не удержался и съехидничал. Правда, на всякий случай, он сделал это так тихо, что его никто не услышал:

– Проповедовать принципы куда проще, чем доказывать их целесообразность...

Не бывает действий на столько бессмысленных, чтобы для этих действий не было бы смысла искать врагов.

– Нам не нравится наше государство! – прозвучал визгливый голосок за спиной Искарriота. Искарriot даже не оглянулся:

– Как бы плохо человек не отзывался о государстве – сам он может быть еще хуже...

– Мы, между прочим, выражаем общественное мнение, – совмещая визгливость с шепелявостью, пролепетала бабулька с транспорантиком «Слава КПСС!» в руках, норovia при этом, стукнуть этим транспорантиком Искарriота по голове, уверенная в своей возрастной защищенности. Искарriot не стал спорить, а просто сплюнул на асфальт:

– Общественное мнение – это, кроме всего прочего, мера стадности...

В этот момент в окна «Макдональдса» полетели первые камни.

Гранаты бросают с целью. Булыжники в окна – чтобы изобразить цель.

Так действие скрывает свою бессмысленность.

Толпа тут же перестала быть собранием разных людей, превратившись в единую, не обремененную персонализацией, разрушающую угрозу.

Толпа растворяет человека в безнаказанности.

В толпе можно все, даже для тех, кто не считает, что все можно.

Толпа – это трусливая надежда на личную безответственность.

Толпу всегда можно позвать, потому, что толпа – всегда проститутка.

Толпа – теплое место для ублюдков...

Люди, побывавшие толпой, имеют отличный шанс стать подонками...

* * *

Людское поле переместилось к окнам «Макдональдса», скоктейлив в себе националистов, антиглобалистов, любителей Че Гевары и обыкновенных посторонних прохвостов, которых всегда бывает большинство.

Даже если не принимать в расчет того, что любые прохвосты, прежде всего – посторонние.

Сторонники «Славы КПСС!», как всегда, легко перемешались с остальными бузящими, хотя, в силу своей малочисленности, явно не играя никакой роли.

Серьезное отношение к «Славе КПСС!» никогда никому не приходит в голову, даже в кругу горлопанов, до тех пор, пока эта самая «Слава...» не оказывается у власти.

Тогда, как правило, бывает уже поздно...

Несколько девчонок, работавших в быстроресторане, попытались забаррикадировать двери, но были быстро и героически оттеснены вглубь помещения восставшими против глобализма.

Победа над десятком девчонок, старшей из которых едва ли исполнилось двадцать три, всегда окрыляет борцов за любую свободу.

Особенно, если девчонки работают, а борцы – люмпенствуют.

Теперь толпа была уверена в своих силах.

Искарриот понял это, и, отворачиваясь, прошептал:

– Непроверенная в серьезном деле, уверенность в своих силах – это оптимизм, доведенный до кретинизма...

Риоль смотрел на происходящее с неприязнью, перемешанной с презрением.

Крайст – с горечью.

Девушка, нарисованная акварелью, и девушка, нарисованная углем – со страхом.

Искарриот смотрел в противоположенную сторону.

– Что ты думаешь, Крайст, о той самозабвенности, с которой эти мерзавцы крушат обычную, никому не мешающую забегаловку? – поморщившись, спросил Риоль.

– Я думаю, что самозабвенней всего рабы борются за свое право оставаться рабами...

– Как ты считаешь – они идут сами, или за ними кто-то стоит?

– Невежество всегда кем-то организовано. Но не в этом проблема.

Проблема в том, что во все времена, подлецы находят для себя глупцов...

– Крайст, но бывают же просто голодные бунты?

– Голодные бунты всегда организовывают сытые люди...

Риоль посмотрел на Искарриота:

– Знаешь, я иногда начинаю понимать причины твоей нелюбви к человечеству.

– Во мне нет нелюбви к человечеству. Ведь любовь к человечеству – это занятие, хоть и пустое, но безвредное.

Неприятности начинаются с его идеализацией...

И, кажется, сейчас мы в этом убедимся.

– Да куда ты все время смотришь, Искарриот?

Искарриот ничего не ответил, а просто махнул рукой вдоль дороги, в том направлении, откуда они только, что приехали.

Там, поблескивая на солнце полировкой прозрачных щитов, разворачивались в строй люди в полевой защитной одежде, под которой находились бронежилеты.

И даже на значительном расстоянии было очевидно, что они разворачивались в боевой строй.

А рассыпавшиеся вдоль мелкого кустарника у дороги, люди с короткими автоматами без прикладов и черными масками на лицах, уже окружали поверженное здание «Макдональдса».

И делали они это так четко, спокойно и профессионально, что становилось понятно, что из толпы смогут сбежать только те, кого люди в черных масках сами пожелают выпустить.

– Садитесь в машину, – проговорил Искарриот, – В лучшем случае, обеда мы здесь не получим.

– В лучшем случае, мы не получим проблем...

В тот момент, когда машина Искарриота, на крутом повороте скрипнула всеми тормозами, сквозь толпу, на освободившуюся часть площади, пробилась девушка.

По мелким потерям в ее гардеробе и испуганному выражению лица, было ясно, что она – одна из тех девчонок, которые работали в «Макдональдсе».

– Подождите! – крикнула девушка. В ее крике смешались испуг, надежда и уверенность в том, что она обращается к людям, которые непременно ей помогут.

– Не везет нам на обеда, зато – везет на красавиц, – Искарриот изобразил на лице некое подобие ироничной улыбки.

Как лимон изображает сладость.

Девушка была действительно очень красивой.

Словно ее только что скачали с интернета.

Так, как площадь уже находилась почти в окружении, и толпа, обнаружив это, ошетинилась ответной агрессией – вполне нормальная реакция каждой толпы, находящейся под действием инерции безопасной храбрости – еще не готовая броситься наутек, но пока способная натворить массу глупостей, то разговаривать, времени не было. И Риоль, перегнувшись через колени девушки, нарисованной углем, открыл дверь и крикнул:

– Быстро садись!

Когда машина отъехала на некоторое расстояние от места встречи антиглобалистов и правоохранителей, расстояние достаточное, чтобы не грозить опасностью ни от первых, ни от вторых, Искарриот оглянулся на Риоля, окруженного троими красавицами, потом посмотрел на Крайста и хмыкнул:

– Крайст, тебе не кажется, что вокруг тебя опять собирается довольно большая и приятная компания?

– Да. Жаль только, что многих не хватает.

– Кого, например?

– Половины человечества, по крайней мере, ...

* * *

Бензин в машине Искарриота закончился как раз в том месте, где шоссе пересекала мощеная булыжником дорога. Автомобиль, произведя несколько чахоточных звуков, остановился, сразу превратившись из мощного помощника в кучу неживого металла, теперь обесмысленно превращенного в плоды технологий.

– Большой, тяжелый, к сожалению, но никчемный, – Риоль погладил полированное крыло автомобиля, не-то благодаря, не-то – прощаясь с ним.

«Как том сочинений советского классика, писателя Георгия Маркова», – подумал Искарриот, но ничего никому не сказал.

– Дальше пойдем пешком, – вздохнув, проговорил Крайст, вытягивая из кабины свои худые, длинные ноги, обутые в стоптанные ботинки.

– И по какой дороге нам лучше пойти? – спросил Риоль.

Крайст молча показал на дорожный знак, и Риоль, слегка удивленный, отметил, что над дорогой, мощенной булыжником, висел указатель: «Главная дорога».

А над шоссе, по которому они только что ехали – указатель «Ремонтные работы с 6-00 до 6-00».

– Что же, пошли этой дорогой, – сказал Риоль, направляясь по булыжнику, – В конце концов, человек – хозяин своей судьбы.

На это Искарриот, усмехнувшись, отреагировал:

– В том-то и вся проблема...

Мощеная булыжником дорога была прямой, поэтому идти по ней оказалось легко.

Во всяком случае, с пути сбиться было почти невозможно.

Впереди шли Искарриот с тремя девушками, Риоль и Крайст – чуть поодаль. Но не настолько далеко, чтобы, при желании, не услышать, о чем говорят и те, и другие.

Девушке, нарисованной углем, оказалось очень интересно то, чем занималась девушка, скачанная с интернета:

– ...То есть, ты кушаний даже не касалась?

– Нет. Мне на компьютер приходили предварительные заказы. Я передавала их на кассу, и люди получали то, что хотели.

– Понимаю. Когда моя матушка была жива, мы тоже посылали молоко по князьевой грамоте.

– Ну вот, – улыбнулся Искарриот, – Компьютер – это князева грамота следующего тысячелетия...

– Компьютер – не человек. Он просто считает, не понимая ничего, – сказала девушка, скачанная с интернета.

А Искарриот меланхолично добавил:

– С людьми это тоже случается...

– Скажи, Искарриот, почему нам не страшно? – неожиданно спросила девушка, нарисованная акварелью, – Я имею в виду не страх перед событиями, а страх перед неизвестным, хотя мы не имеем никакого опыта.

– Опыт учит нас жизни в мире, которого не существует. А мы ходим по существующему миру.

– Но ведь мы из совсем разных времен.

Искарриот вздохнул, оглянулся на оставших Крайста и Риоля, потом посмотрел вперед и проговорил, толи, отвечая девушке, толи, вспоминая что-то:

– Времена всегда – нынешние...

Риоль разговаривал с Крайстом.

Он уже привык к тому, что их разговор состоял из простопостроенных вопросов и коротких ответов. Так разговаривают равные умные люди, не нуждающиеся в приведении примеров и разъяснении деталей.

Иногда, умножение подробностей только мешает пониманию сути.

И главное – так разговаривают люди, которые знают, о чем они говорят.

- Крайст, я хочу задать тебе еще один очень деликатный вопрос.
- Спрашивай Риоль. Не стесняйся. Все вопросы от души – деликатные.
- Крайст, я много летал по небу. Отчего я ни разу не видел твоего отца?
- А отчего на Земле ты не видел меня?...

- Скажи, а почему ты не пришел к людям второй раз?
- Я приходил много раз. Только люди этого не замечали.
- Когда?
- Каждый раз, когда ваши представления о параметрах мира менялись.
- Эрик Рыжий? Колумб? Коперник? Галилей?
- Не только.
- Телеграф, радио, интернет...

- Когда ты пришел в первый раз, ты принес людям догматы.
- Я это сделал очень давно, на рубеже Старой и Новой эры, когда людям нужны были новые основы.
- А что делать людям теперь?
- Превращать догмы в принципы...

- Но ведь согласишься, те же заповеди написаны очень не равнооснованно.
- Например: «Не укради...» Здесь важно не совершить поступка.
- При этом, человек может пожелать завладеть чужой вещью – нужно только, чтобы он не совершил кражу.
- Да. Безразличному к жизни человеку, быть честным совсем не сложно.
- Настоящая честность – это честность человека, обуреваемого желаниями.
- А что же делать с заповедью: «Не пожелай жену ближнего...»?
- Ведь заплеченный желаниями человек, может пожелать этого, но, в силу воспитания, культуры, он не позволит себе это показать.
- Перенесет свое желание в своей душе, в мучениях, кстати, но все равно, окажется нарушителем заповеди.
- Здесь все проще: элементарная самоцензура пишущего не позволила написать – что именно не делай с женой ближнего.
- Что же, культурным людям самоцензура необходима.
- Риоль, самоцензура необходима некультурным людям.
- Культурным людям самоцензура свойственна...

- До того, как поверить в твоего отца, люди верили в очень многих Богов – кажется, это называлось язычеством.
- Они называли разными богами – различные проявления одного Бога.
- Дальше шло элементарное развитие представлений.
- От деталей – к целому?
- Пожалуй. Знаешь, что является главным из того, что Отец дал людям?
- Что?
- Диалектика...

- Крайст, но ведь очень многие известные и просвещенные люди выступали против религии и предлагали жить без нее.
- Жить без религии – это не самый плохой способ жить без религии.
- А какой же способ самый плохой?

– Самый плохой способ жить без религии – это воевать за нее с пулеметом в руках...

Риоль еще о многом хотел спросить Крайста, но в это время их нагнала телега, запряженная сытой и, видимо оттого ленивобредущей, лошадей.

На телеге, поверх сеной покладки, на брезенте сидела пожилая женщина в белом платке и поношенном шушуне.

И лошадь, и женщина, казалось, дремали, и если бы Искарриот, задремавший шляпу на затылок и упиревший кулаки в бока, не крикнул бы: «Тпру-у!» – они бы так и проехали мимо.

– Подвези, бабка!

– Садитесь.

– Бабка, а где здесь трактир?

– Трактир? – удивленно переспросила женщина, – Да, как везде – возле церкви...

* * *

Вскоре, вдоль дороги стали появляться первые дома окраины небольшого городка.

Эти дома были либо каменные, либо деревянные, на каменном фундаменте. Окруженные высокими заборами с широкими дубовыми воротами – они напоминали маленькие, семейные крепости.

И каждый из них различался между соседними ровно на столько, на сколько, по-видимому, различались семьи, жившие в них.

То есть, были очень похожи друг на друга.

Следом, ближе к центру городка, дома пошли трех и четырехэтажные. Теперь уже сплошь каменные.

Телега выехала на не большую площадь, посреди которой стояла круглая афишная будка, вокруг которой прогуливался полный человек в темно-синем галифе с красными лампасами и белом сюртуке с металлическими пуговицами.

На одном боку у этого человека висела сабля, на другом – кобура с наганом.

Этот человек, безусловно, был местной властью, хотя он, очевидно, не знал – чем бы ему заняться.

С властью, не только местной, это случается не редко...

– Вот: кому – церковь, кому – трактир, – проговорила женщина, останавливая лошадь.

– А это, что за дом на площади? – спросил Искарриот.

– Синематограф.

– Тогда, начнем с трактира, – Искарриот, сделал вид, что не заметил осуждающего взгляда Крайста, – Синематограф – потом.

В полуподвальное помещение трактира, вниз, вела довольно широкая лестница, и Крайст, Риоль, Искарриот и их спутницы спустились по ней без толчейных проблем.

Зал трактира оказался, на удивление большим, и, не смотря на полуподземное положение, довольно светлым.

Ближе к входу стояли обыкновенные струганные столы, а дальше, в той стороне, где у стены на некотором возвышении находилось пианино, столы были покрыты почти белыми скатертями.

За одним из столов собралась группа бородатых людей в длинных сюртуках, от карманов которых тянулись на грудь массивные золотые часовые цепочки.

Люди во весь голос что-то обсуждали, склонив головы, друг к другу, но из-за того, что говорили они, собрав головы в пучок – разобрать слов, было почти невозможно.

Еще дальше, за столом возле пианино сидели два офицера в эполетах и аксельбантах. Они держали свои длинные сабли между ног, обутых в начищенные до блеска сапоги. Компанию офицерам составляли две женщины в светлых платьях. Плечи женщин покрывали накидки, у одной – белая, горностаевая, у второй – темно-коричневая с рыжеватыми подпалинами, соболиная.

Офицеры и дамы явно занимались только сами собой и не обращали ни на кого внимания. Веселые, независимые и немешающие – самые лучшие сотрапезники.

У них была своя форма коллективной самодостаточности.

Под звон бокалов от их стола донеслось:

– ...До Царя далеко, до Бога – еще дальше! – на что Искарот, подойдя к одному из офицеров, приподняв шляпу коричневого цвета, тихо сказал:

– К взаимному удовольствию и людей, и Бога, этого наверняка никто никогда не знает...

Искарот выбрал стол посреди зала, и к нему тут же подошел, вернее, подлетел, молодой человек в белой косоворотке. Его волосы были расчесаны на такой прямой пробор точно по середине головы, что могло показаться, что ими занимался не парикмахер, а математик-геометр.

– Что угодно господам? – на согнутой руке молодого человека откуда-то появилось полотенце, словно баня тоже входила в меню.

– Мяса, мяса и еще раз мяса! Вина, вина и еще раз вина! – сказал ему Искарот, и уже тише, на ухо Риолю: «Женщины с офицерами, на мой взгляд, черезчур худы».

Крайст услышал эти слова:

– Так бывает часто: хотим получить душу женщины, а оцениваем ее в сантиметрах и килограммах...

Риоль оглянулся на офицерских спутниц, и тут же ощутил три одновременных толчка по ногам под столом.

Один справа.

Один слева.

Один спереди, почти под колено.

Справа от Риоля сидела девушка, нарисованная углем.

Слева – девушка, скачанная с интернета.

Напротив него – девушка, нарисованная акварелью. И Риоль быстро оценил: «У своих женщин свои знаки внимания, на знаки внимания к несвоим женщинам...»

Когда перед ними появилось дымящееся мясо в глиняных горшочках, разварной картофель на блюде, соусник и несколько плошек с маринованными грибами, малосолеными огурчиками и ломтиками ветчины, до Риоля донеслись слова из-за соседнего стола:

– Кабы не подвел бы ты нас, Порфирий Мефодьич?

– Да уж, дело начинаем большое, и без хлебных барж – все убыток понести можем, Порфирий Мефодьич, – видимо, эти слова услышал и Искарот, потому, что он сразу прислушался, а тот, кого называли Порфирием Мефодьичем, поднялся и, осеня себя крестным знаменем, громко сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.